

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ

МОИ

СОБАКИ

Леонид Анатольевич Сергеев

Железный Дым

OCR&Spelcheck TaKir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157502

Сергеев Л.А. Мои собаки: «Новый ключ»; Москва; 2006

ISBN 5-7082-0163-0

Аннотация

Леонид Сергеев известный писатель и художник, автор книг для детей: «Солнечная сторона улицы», «Утренние трамваи», «Мой бегемот», «Белый и черный», «До свиданья, Аметьево!» и других. Некоторые книги переведены на английский и польский языки.

Лауреат премий им. С. Есенина и им. А.Н. Толстого, победитель Всероссийского конкурса на лучшую книгу о животных 2004 г.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава первая, в которой кое-что объясню	4
Глава вторая, в которой немного расскажу о себе	6
Глава третья, в которой представлю своих четвероногих друзей	8
Глава четвертая. Во дворе	11
Глава пятая. Вождь собачьего племени	14
Глава шестая. Соседи. Мой приятель Вовка и благодетель Челкаша и Дыма	21
Глава седьмая. Мы готовимся к путешествию	27
Глава восьмая. Добрейшая душа	33
Глава девятая. Небольшая неприятность	36
Глава десятая. Наши попутчики или клуб любителей животных	39
Глава одиннадцатая. Горластый пес, шофер пикапа, Федька, доярка и другие	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Леонид Сергеев Железный Дым

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ С ДЫМОМ

Глава первая, в которой кое-что объясню

Прочитав название первой части книги, читатели могут подумать, что им, вместе с героями повести, предстоит совершить путешествие на каком-то отчаянно дымящем транспорте. Некоторые читатели даже вообразят, что герои повести не кто иные, как пираты, то и дело палящие из пушек, отчего их судно окутано пороховым облаком. Кое-кто из читателей и вовсе решит, будто герои повести – попросту заядлые курильщики и над ними постоянно вьются струйки табачного дыма. Сразу скажу, – все эти читатели глубоко ошибутся. Дым – имя моей собаки. Его, бездомную дворняжку, еще щенком я подобрал на улице. У щенка был пе-

пельно-дымчатый окрас, и я назвал его Дымком.

Сейчас Дым взрослый пес в расцвете сил. Каждое лето мы с ним ходим на байдарке по разным речкам. Дым бывалый путешественник, настоящий речной волк. Он даже имеет две медали: «За спасение на воде» и «За героический подвиг». Эта повесть о нашем последнем путешествии.

Глава вторая, в которой немного расскажу о себе

Первое, что я увидел в младенчестве, была не соска, не погремушка, а морда собаки. И первые шаги я сделал, держась за собаку; и первые звуки, которые произнес, были не «ма-ма» и «па-па», а «гав-гав».

А, научившись держать карандаш, сразу нарисовал усатого пса с ошейником. Позднее, направляясь в школу, я думал не об уроках, а считал собак, которых встретил по пути, причем пока не насчитаю четырех-пяти, порог школы не переступал – был уверен, что от количества собак напрямую зависит оценка, которую получу. И постоянно притаскивал домой дворовых барбосов и жучек. И вырезал их портреты из журналов, и коллекционировал все, что относилось к собачьей жизни.

В нашей семье всегда были собаки, и все дворняжки. Мать считала, что они умнее и преданнее разных породистых, а отец говорил: «Главное не порода, а душа собаки».

Став взрослым, я часто менял местожитительство, но всюду держал беспородных представителей собачьего племени. Ответственно заявляю – большинство собак обладают самыми лучшими качествами: верностью, бесстрашием, благородством, честностью; они не умеют хитрить, притворяться. Ни один человек не заменит такого друга.

Сейчас я живу с двумя собаками: старым Челкашом и молодым Дымом. Они мне как братья – старший и младший. Челкаш старший брат, потому что ему уже тринадцать лет – если пересчитать на человеческий возраст, ему девяносто лет – то есть, он уже глубокий старец. А Дыму четыре года – он, понятно, в цветущем возрасте.

Оба моих лохматых друга прекрасно понимают человеческий язык, а я неплохо изучил их собачий, так что у нас не бывает недомолвок. Мы встаем в одно и то же время, одно и то же едим, по вечерам вместе смотрим телевизор, и спим на одной тахте. Признаюсь, запах собачьей шерсти мне приятнее всяких духов.

Глава третья, в которой представлю своих четвероногих друзей

Когда Челкаш был помоложе, мы с ним не раз совершали путешествия по речкам, но с годами он стал уставать, уже тяжело переносил качку в лодке, постоянную смену стоянок, и вообще походный быт.

Теперь ему, старикашке, больше нравится проводить лето на даче у моих родственников – там можно отдохнуть с удобствами, можно развалиться на тахте и смотреть передачу «В мире животных», или полежать в тенике за террасой, где обдувает ветерок и откуда хорошо просматривается вся улица – всегда видно, кто с кем прошел, какая собака или кошка куда пробежала – как многие старички, Челкаш любопытен и всегда в курсе всех поселковых событий.

Родственники души не чают в Челкаше: задыхаясь от нежности, то и дело гладят, расчесывают, кормят любимыми блюдами (даже покупают мороженое) и, вроде, рассказывают ему сказки перед сном. В общем, последние годы Челкаша я оставляю с родственниками, а путешествую с Дымом.

Дыма я подобрал недалеко от дома. Иду с работы, вдруг вижу – под деревом сиротливо сидит щенок, весь замызганный, в пятнах мазута.

– Привет! – поприветствовал я бедолагу.

Щенок заулыбался, завилял хвостом, твякнул, подбежал,

стал теревить шнурки моего ботинка – Давай, мол, поиграем! Короче, мы сразу понравились друг другу и я привел его домой.

Челкаш встретил приемыша дружелюбно, даже лизнул в нос и разрешил поест из своей миски. Челкаш вообще на редкость доброжелательный, спокойный; за всю свою жизнь ни разу не рыкнул ни на одну собаку. В молодости он любил катать детей на санках. Ребята привязывали к его ошейнику веревку, усаживались в санки и Челкаш возил их по двору. Если кто-нибудь из малышей падал с санок, Челкаш останавливался и ждал, пока ребенок снова не сядет.

Всех, кто к нам заходит, Челкаш встречает радостным лаем, всем протягивает лапу. Думаю, если однажды к нам залезут грабители, он и их встретит, как самых желанных гостей. Все оттого что он домашний пес и никогда не сталкивался с человеческой жестокостью.

– Твой Челкаш не охранник, а размазня, – говорят некоторые мои приятели. – Невоспитанный пес с отвратными манерами, ко всем лезет целоваться, не знает своего места.

– А здесь везде его место, – объясняю я. – У нас все общее, ведь он член семьи. А охранять у меня нечего. И вообще, собака – ласковое животное, ей только прививают злость. Бездомные дворняжки ищут себе хозяина, хотят ему служить, а их шпыняют все, кому не лень. Вот они и озлобляются.

Давно известно, не каждый человек должен иметь собаку, но на каждой собаке должен быть хозяин. Если бы я был чле-

ном правительства, я первым делом распорядился бы, чтобы в каждой семье (тем более, где есть дети) непременно держали какое-либо животное. Тогда будет поменьше всяких живодеров и хулиганов, ведь общаясь с «братьями нашими меньшими», мы становимся добрее. И распорядился бы, чтобы открыли приюты для бездомных животных, где каждый сможет выбрать себе четвероногого друга. А старушкам, которые держат по несколько собак и кошек, установил бы дополнительную пенсию.

Но я отвлекся. И все из-за своих бестолковых приятелей. Вернусь к Дыму. Так вот, после того, как щенок поел из миски Челкаша, я понес его в ванную отмывать от грязи и пятен. Отмывал долго: намыливал и расчесывал, словно шапку-ушанку; потом смывал теплой водой, снова намыливал. Челкаш все это время стоял рядом и сочувственно наблюдал, как я терзаю его собрата. Когда наконец я отмыл щенка и хорошенько вытер, передо мной оказалось совершенно новое существо – пушистое, с пепельно-дымчатой шерсткой. Тут я и назвал его Дымком.

На следующий день в кухне, недалеко от миски Челкаша, я поставил Дыму отдельную миску, купил ему ошейник с поводком, и мы втроем отправились на прогулку.

Глава четвертая. Во дворе

– Ого! У вас пополнение! – воскликнула знакомая собачница, хозяйка пуделя Тимошки, приятеля Челкаша.

Я рассказал, где подобрал Дыма.

– Такие серые щенки несколько дней бегали у автобазы, – сказала собачница.

Шофера автобазы подтвердили, что у их сторожевой собаки Люси было пять щенков, но их разобрали дети и старушки.

– Ты, видно, взял последнего, – сказали мне мастера автомобильных дел. – Учти, у щенков в крови тяга к технике. Играют с гайками, шестеренками. Шутки ради, спрячешь какую деталь, скажешь «ищи!» – обязательно найдут.

В самом деле, Дым с первых дней проявлял интерес ко всяким железкам. Челкаш в детстве любил мячи, резинового барана, Дым на эти игрушки даже не смотрел; он возился с железной щеткой, которой я вычесывал его с Челкашом, железным совком, которым я пользовался при уборке квартиры, но особенно с моим инструментом – крутил на полу отвертку, покусывал за ручку молоток и все время пытался запихнуть его под тахту. А однажды, когда мы вышли во двор, Дым увидел у какого-то мальчишки игрушечную легковушку, подбежал и стал носом ее катать, да так разыгрался, что не захотел ее отдавать. Пришлось купить ему подобную ма-

шинку в «Детском мире».

Дым подрастал, но его врожденная склонность к технике не ослабевала. Во время прогулок чуть завидит велосипедиста, мчит рядом, соревнуется – кто быстрее. Если во двор вкатывал грузовик, усаживался рядом и внимательно рассматривал все механизмы; его не пугало ни тарахтенье двигателя, ни ядовитые газы.

Как-то у соседнего дома экскаватор копал траншею. Дым его заметил еще из окна и прямо-таки прилип к стеклу. Когда мы вышли на прогулку, он тут же бросился к соседнему дому, протиснулся меж ребят, которые наблюдали за работой экскаватора, и замер, разинув пасть. Его так поразило грохочущее и лязгающее чудище, что он забыл о нашей прогулке, об укромном месте в кустарнике – собачьем туалете, куда он непременно заходит. Он стоял на краю траншеи, неотрывно глазел на экскаватор и от восторга пускал слюни. Я еле увел его оттуда.

С возрастом шерсть Дыма потемнела, превратилась в темно-серую, внешне он стал похож на волчонка. И не только внешне. В его походке появилась уверенность в себе, во взгляде угадывалось мужество и готовность к подвигам. И характер у него изменился – не то что он стал задиристым, но и спуску никому не давал. При случае мог отмутузить любую собаку. Будучи среднего роста, он не боялся собак намного выше и здоровее его. Бывало, во время стычек ему доставалось, но он никогда не скулил от боли, не просил у меня по-

мощи, только дома забивался под стол и угрюмо сопел.

Дым вообще никого и ничего не боится, кроме грозы, салюта и взрывов петард. Но этого боятся все собаки – срывает генетическая память, когда отстреливали их диких предков. Ну ладно молнии и салют – от них никуда не денешься, а вот петарды, которые, ради забавы, то и дело взрывают подростки во дворах, это просто-напросто безобразие. Будь я на месте правительства, я запретил бы их раз и навсегда. Подобные развлечения досаждают и больным, и пожилым людям, а в собак вселяют нешуточный страх; некоторые из них в панике несутся к своему дому и попадают под колеса машин, некоторые убегают от хозяев и становятся бродягами.

Попутно замечу – подсчитано, что в Москве, во время салюта теряется около трехсот домашних собак! И сколько от этого семейных трагедий! А что стоило бы объявить по радио: «Уважаемые владельцы собак! Воздержитесь от прогулок со своими питомцами во время салюта в честь Дня города (или открытия фестиваля)». Для неопытных любителей животных это предупреждение было бы как нельзя кстати.

Глава пятая. Вождь собачьего племени

Со временем Дым занял главенствующее положение среди дворовой собачьей братии. Даже большие псы стали к нему относиться уважительно – чувствовали его бесстрашие и внутреннюю силу. Теперь во дворе Дым общепризнанный предводитель; он держит власть крепко, и ни с кем не собирается ею делиться. Как только мы выходим из подъезда, к нему сразу сбегаются все собаки – и бездомные, и домашние, и каждая заглядывает ему в глаза, ожидая приказаний. А он выпятит грудь, того гляди крикнет – Трепещите! Я вышел! И куда бы он ни шел, вся стая следует за ним.

Что касается Челкаша, то и с ним Дым частенько ведет себя не как послушный младший брат, а наоборот, как старший, требовательный и строгий. Конечно, Дым любит Челкаша, но бывает, укоризненно бурчит на него, когда тот слишком медленно собирается на прогулку. Или подгоняет его, когда мы идем в магазин за продуктами и Челкаш плетется где-то сзади, а то и замешкается у какого-нибудь столба – начнет «вычитывать» метки других собак – Дым тут же подскакивает и гавкает ему прямо в уши. Бывает, Дым и тренируется на старичке, напористо отрабатывает борцовские приемы, чтобы поддерживать форму, и при случае во дворе демонстрировать мастерство. Челкаш стойко переносит

эти мучения, все прощает младшему брату. Только изредка, если Дым чересчур входит в раж, встряхнется, подойдет ко мне, глубоко вздохнет – И когда, наконец, братец угомонится?

Со стороны отношения моих лохматых друзей выглядят смешно, хотя бы потому, что Челкаш крупнее и солидней Дыма. Тем не менее, чуть ли не с первых дней, Дым заявил о себе, как о прирожденном энергичном вожаке.

Бесспорно, Дым лидер по натуре. Лидер справедливый, без всякого самодурства и заносчивости. Когда мы отправляемся в дальнюю прогулку к пустырю, он непременно бежит впереди и лаем предупреждает нас с Челкашом о препятствиях на пути – будь то глубокая канава или какая-либо изгородь. Он-то с ходу преодолевает эти самые препятствия, а Челкаш остановится перед ними и смотрит на меня – Лезть через канаву или обойти ее? Прыгать через изгородь или искать лазейку? Дым ждет нас, нетерпеливо подпрыгивает на одном месте, и хмуро смотрит на Челкаша – Не трусь, старикашка!

Когда я готовлю обед (чаще всего суп из тушенки) Челкаш с Дымом непременно присутствуют на кухне, следят за каждым моим движением, принимают. Суп сварится, я разолью его в миски и свою тарелку, и выношу на балкон остужаться, и закрываю балконную дверь, чтобы запахи лишней раз не щекотали ноздри моих дружков. А им говорю:

– Фу! Подождите! Горячее!

Они прекрасно знают, что горячее, но иногда Челкаш не выдерживает, и норовит приоткрыть дверь, посмотреть, не забыл ли я положить мясо в его миску. Эти попытки строго пресекает Дым – с урчаньем оттесняет брата в сторону. Дисциплинированный Дым неукоснительно выполняет все мои команды. Челкаш тоже выполняет, но с ленцой и часто после напоминаний – возможно считает, что я недостаточно почтительно отношусь к его возрасту.

Характеры моих собак, как нельзя лучше, проявляются во время еды, когда я уже остывший суп приношу на кухню. Дым сразу же вытаскивает из миски куски мяса и проглатывает их; потом доедает остальное. Челкаш вначале лакает бульон, и только под конец принимается за мясо, при этом неторопливо смакует каждый кусок.

Самое смешное начинается после того, как мои дружки опорожняют свои миски. Обычно первым все съедает Дым, но от своего места не отходит и искоса посматривает на Челкаша. Как только тот заканчивает трапезу, они одновременно меняются местами и обнюхивают, а то и вылизывают миски друг друга. Я долго не мог понять этого ритуала, потом до меня дошло – каждый проверяет, что ел его брат – то же самое или, не дай бог, что-то повкуснее?

Миска с водой у них общая, и если один пьет, другой спокойно ждет своей очереди – понятно, воды всегда полно, это ведь не мясной суп, которого всегда кажется мало.

Есть и еще кое-какие отличия у моих друзей. Челкаш любит веселую музыку и компании, особенно женское общество, в том числе и собачье. Завидев собаку-девицу он подбегает и перед ее носом выделяет всякие пируэты: крутится на одном месте, делает «ласточку», и так и сяк показывает, что он и не старый вовсе, а наоборот, еще достаточно молодой и способен на любые спортивные достижения.

Дым не любит ни веселую, ни грустную музыку, ему по душе рокот моторов. И он не нуждается ни в каком общении. Ну с любителями техники еще туда-сюда, может поддерживать знакомство, а вообще ему хватает нас с Челкашем. Конечно, он засматривается на некоторых собак женского пола, но он слишком гордый, чтобы ползать перед ними на животе.

У Челкаша только одна мечта: слопать обед из трех блюд, желательно сладких (что собакам более чем вредно), а после обеда лежать на чем-нибудь мягком, в окружении красивых собак девиц (желательно породистых медалисток) и рассказывать им, каким он был героем в молодости.

У Дыма целых две мечты: пройти на байдарке (разумеется со мной) все речки средней полосы России и установить собачий мировой рекорд – прыгнуть (опять-таки со мной) с парашютом. Он не боится высоты. Свесится через перила балкона и разглядывает улицу; заметит что-нибудь интересное, прямо готов сигануть вниз. В путешествиях, случалось не раз, он забирался на кручу и прыгал в прибрежный песок – просто так, чтобы убедиться в своем бесстрашии и ловко-

сти. Ну, а уж если слышит гул самолета, задирает голову и растягивает рот в улыбке.

Теперь, в старости, у Челкаша появилась странность: он стал не в меру гордиться своим длинношерстным хвостом; демонстрирует его при каждом удобном и неудобном случае (частенько крутится и перед зеркалом, дотошно разглядывая свою «красоту»). И никому не разрешает трогать хвост. Уши, холку, лапы, живот – пожалуйста, трогайте, гладьте, чешите, но к хвосту не прикасайтесь, а то еще невзначай вырвете несколько бесценных волосков.

Появились у Челкаша и чудачества. На потеху родственникам, он наловчился пускать пузыри. Родственники скажут:

– Челкаш, пусти пузырик!

И он старается: сделает губы дудкой и выдувает пузырь из слюны. Потом резко потряхнет головой и, с блаженной улыбкой, смотрит, как пузырь плывет по воздуху. Ни дать, ни взять, большой неразумный щенок. Никакой солидности!

А уж неженка он стал, до смешного – если наступит на колючку, орет, будто в него вцепилась змея. И это бывший покоритель рек и дорог!

Нельзя не сказать и о барских замашках, которые появились у Челкаша в последнее время. Перед каждым нашим гостем заваливается на спину и требует, чтобы ему чесали пузо, да еще злится, если кто чешет не старательно, а так, шалаяй-валяй, лишь бы отделаться. Дым тоже любит почесы-

вания, но позволяет это делать только мне.

Обычно я чешу их за ушами перед сном, когда мы втроем укладываемся на тахту. Первое время я давал маху – чесал их попеременно, но это не нравилось ни тому, ни другому: начну чесать Челкаша, Дым тут же тормозит меня с недовольным бурчаньем и всячески оттесняет Челкаша; переключусь на Дыма, пристаёт Челкаш – бодается и скулит от ревности. Тогда я стал ложиться между ними и чесать их одновременно, после чего каждый из моих дружков был уверен, что я доставляю удовольствие только ему одному.

Во сне Челкаш жутко храпит и Дым постоянно его расталкивает, а то и пытается спихнуть на пол, упираясь лапами в стену. Чаще всего Челкашу снится всякая ерунда: что он потерял свой мячик или что я отдал сахарную косточку не ему, а Дыму – в такие моменты во сне он стонет и плачет, но вскоре начинает улыбаться, вилять хвостом – явно нашел мячик и я дал ему кость, еще большую, чем Дыму.

Дыму снится только борьба: во сне он скалится, дергает лапами, рычит – без сомнения, борется с другими собаками; и, конечно, с собаколовами и грабителями, и со всякими передрягами в жизни.

Случается, мои дружки встают раньше, чем я, но не шумят, тактично дают мне выспаться: садятся в кресло перед окном и смотрят, кого из собак уже выгуливают. Если я слишком долго сплю, подходят к тахте. Челкаш начинает вздыхать, тихонько поскуливать, осторожно, чтобы не поца-

рапать, подушечками лап пытается открыть мне глаза. Дым молча наблюдает за его попытками, но если я продолжаю спать, бесцеремонно лает мне в лицо – Хватит дрыхнуть! Все собаки давно гуляют, да и дел полно!

На пустыре, где мы обычно гуляем, Челкаш ищет мышьи норы, и когда находит, дует в них изо всех сил, пугает мышат, думает – сейчас они выбегут и он их поймает. Но умные зверьки покидают нору через запасной ход, да еще насмешливо пищат за спиной Челкаша. Он озирается, но разве в траве кого разглядишь!

Дым верен себе и откапывает всякие железные штуковины. Долго принюхивается к впадинам и кочкам, учует запах железа, взвизгнет, начинает копать. И никогда не ошибается – непременно вытаскивает какую-нибудь ржавую железяку и с важным видом, точно нашел драгоценность, преподносит мне. Я, естественно, его хвалю, а потом незаметно забрасываю «драгоценность» в кусты. Правда, несколько раз Дым откапывал более-менее стоящие вещи: подстаканник, латунный подсвечник, а однажды нашел несколько монет.

Глава шестая. Соседи. Мой приятель Вовка и благородство Челкаша и Дыма

Про странную особенность Дыма знает весь двор. Одни взрослые говорят:

– Ясно, у него обостренное чутье на железо, поскольку эти запахи он впитал с детства. Но еще яснее – эти запахи вредны для здоровья.

– Шофера виноваты, – говорят другие. – Собаку можно научить чему угодно. Хоть воровать. Лучше б научили его собирать грибы.

Мой друг, инженер и поэт, Эдуард Владимирович Балашов необычное чутье Дыма объяснил по-научному:

– Все металлы дают испарения. Особенно их окислы. Чугун пахнет не так, как латунь или медь. А у собаки непостижимый объем памяти на запахи. В среднем собака помнит три тысячи запахов. А талантливые самородки, наподобие твоего Дыма, и побольше.

Редкостные способности Дыма не дают покоя моим соседям по лестничной площадке.

– Не будь дураком, открой пункт приема металлолома, – советует мне слесарь водопроводчик. – Сразу разбогатеешь. Металлы сейчас в цене. Особенно цветные. И это... Когда

разбогатеешь, не забудь обо мне, я ведь с пониманием отношусь к твоей псарне. Они гавкают, а я ничего. На то и собака, – говорю, – чтобы лаять.

Другой сосед, бухгалтер, идет еще дальше:

– Я слышал, ваш Дым нашел подстаканник, подсвечник, и я сразу задался вопросом – почему вы не используете его исключительные способности? Так сказать, не направите их в практическое русло. Почему бы вам не открыть антикварную лавку. Сейчас на старину особый спрос, поверьте мне. И не откладывайте это в долгий ящик. А когда ваши дела пойдут в гору, надеюсь, вы не забудете, кто вам дал совет. Согласитесь, такой совет стоит немалых процентов.

Соседям я обещаю крепко подумать над их предложениями.

Ну, а ребята во дворе уверены, что мой дружок ищет клады и называют его не иначе, как Железный Дым. Особо дошлые, вроде третьеклассника Вовки, спрашивают:

– Дядь Лен, что ты будешь делать, когда Дым найдет клад, и ты станешь богатым?

– Просто не знаю, Вовка, – развожу я руками. – Давай подумаем вместе. Это крайне серьезный вопрос.

– Надо купить машину, – говорит Вовка.

– Ну, это само собой. А если клад оценят в миллион? Куда девать такую уйму денег?

– Купить две машины. Одну простую, другую гоночную.

– Ладно, уговорил. Мне купим простую, тебе гоночную.

Но денег-то все равно останется целый мешок. И потом, что ж мы будем только о себе думать? Надо подумать и о других, что-то сделать для других людей. И для бездомных собак тоже. Может, раздадим половину денег знакомым, а для собак построим шикарный приют, с бассейном, площадкой для игр...

– Ага! – быстро соглашается Вовка.

Вот такие разговоры мы и ведем с Вовкой время от времени, все никак не решим, на что потратим мешок денег, когда он свалится на голову.

Вовкина семья живет в соседнем доме в большой коммуналке. У них по квартире вечно снуют жильцы: кто с кастрюлей, кто с чайником, кто с половой тряпкой; из одной комнаты слышны песни, из другой ругань.

– У нас весело, всегда что-то происходит, – говорит соседка Вовки, женщина с мечтательным взглядом. – Но, конечно, в отдельной квартирке жить лучше. А еще лучше в коттедже с камином.

Вовка такой же заядлый собачник, как и я. Собаки – наша общая страсть. Своего лохматого друга у Вовки нет – он считает «своим» бездомного Абрикоса – дворового пса с бородой и бакенбардами; они вместе проводят все дни напролет. Абрикос провожает Вовку в школу и встречает после уроков. Несколько раз Вовка приводил Абрикоса домой, но родители, а главное соседи, бурно протестовали и выпроваживали собаку: «Еще собаки нам не хватает!» – говорили.

Только соседка мечтательница одобряла Вовкины порывы:

– А по-моему собачка в квартире никому не помешает. Если бы у меня была отдельная квартирка, я непременно завела бы собачку. Таковую, как Абрикос. Он такой симпатичный песик.

После дождей на пустыре размывает тропы и, возвращаясь с прогулки, Челкаш сразу идет в ванную, чтобы я отмыл его грязные лапы. Дым, если я его не окликну, прямиком направляется в комнату – считает, что уже достаточно отмылся в лужах. Нельзя сказать, что он жуткий грязнуля, но мыться все же не любит. Плавать в озере на пустыре – всегда готов, в любую погоду, но мыться в ванной, да еще с мылом! На эту процедуру идет, как на казнь. Возможно помнит первый день, когда я нещадно отмывал его мазутные пятна. Но есть и еще одно объяснение.

Дело в том, что большинство собак не упустит случая поваляться на какой-нибудь дохлой рыбе. Это у них тоже от предков, которые отправляясь на охоту отбивали собственный запах. Одни собаки, вроде Челкаша, почти утратили этот инстинкт, а такие, как Дым, сохранили. Вот почему на пустыре Дым не только откапывает железо, но и валяется на всякой падали, после чего, я, естественно, тащу его в ванную и безжалостно надраиваю.

Крайне редко, но все же мои четвероногие друзья совершают мелкие проступки и тогда я их ругаю. Не наказываю, только слегка ругаю. В разумных пределах. Причем, если ру-

гаю Челкаша, Дым тут как тут – зло смотрит на брата и каждое мое слово подтверждает лаем; всем своим видом он дает понять, что полностью согласен со мной, и что Челкаш заслуживает даже более сурового наказания, чем просто выговор. Если же я ругаю Дыма, Челкаш тактично уходит в другую комнату, чтобы не ставить братца в неловкое положение.

Как-то во дворе Дым покусал одну собаку – не сильно, но все же чувствительно. Ни с того ни с сего налетел на пса, случайно заглянувшего во двор, и цапнул его. И чем он ему не понравился, не знаю. Я начал отчитывать Дыма. Он, вроде, понял свою вину, выслушивал меня, понурился. А я все расходился – уж очень жалобно скулил тот пес.

– За что ты его куснул? Что он тебе сделал? – кричал я на Дыма.

Я уже хотел шлепнуть его, как вдруг между нами встал Челкаш, дотронулся лапой до моего колена и посмотрел мне в глаза, прямо умоляя простить Дыма. И мне сразу стало стыдно за свою невыдержанность.

Что и говорить, Челкаш не только умный, но и благородный миротворец. Кстати, по уму он на уровне человека, закончившего среднюю школу.

Ну, а Дым, после того случая, перестал нападать первым, только давал сдачи, да защищал тех, кто не мог за себя постоять. В нем тоже есть определенное благородство. А его ум – без преувеличений – как у человека, имеющего высшее образование.

В общем, у меня замечательные собаки во всех отношениях. Что касается их различия, то главное здесь – чрезмерное дружелюбие Челкаша и скрытность, независимость Дыма. В отличие от Челкаша, Дым не излучает радушие, никому не навязывает свою дружбу, не лезет целоваться с первым встречным, у него повышенное чувство собственного достоинства. И другие чувства достаточно высоки. Например, он безошибочно чувствует людей, моментально распознает хороший человек или плохой. Только взглянет и... или сдержанно улыбнется, вильнет хвостом, или насупится и отвернется. По Дыму я определяю всех новых знакомых и, благодаря ему, не попадаю впросак.

– Твой Дым какой-то диковатый пес, с волчьими замашками, – говорят некоторые мои приятели. – Челкаш, конечно, невоспитанный, но хотя бы приветливый. А этот все время смотрит исподлобья.

– Он личность, – объясняю я. – Серьезный парень, шутить не любит, и ему не до нежностей. Он серьезно относится к жизни, изучает людей.

Глава седьмая. Мы готовимся к путешествию

До прошлого года мы с Дымом вдвоем совершили несколько путешествий. Все они были довольно легкими, по спокойным речкам Подмосковья, хотя и на них приключений хватало. В этих плаваниях мой дружище мужественно переносил все тяготы походной жизни: не ныл, когда во время затяжных дождей мы промокали до костей и нас донимали комары, когда сбивал лапы, когда в него вцеплялись колючки, а в минуты опасности проявлял смелость и находчивость. Например, когда однажды на нашу стоянку внезапно выскочил лось, храбро отогнал пришельца. В другой раз наша байдарка налетела на старую сваю и перевернулась. Дым мог бы просто поплыть к берегу, но он бросился спасать рюкзак.

В общем, Дым проявил себя с самой лучшей стороны, и я понял – с таким надежным другом можно отправиться и в более сложное путешествие. Именно поэтому прошлым летом я наметил поход по реке Великой в Псковской области – довольно серьезный маршрут, по словам опытных байдарочников.

Прежде всего я отвез Челкаша к родственникам на дачу, наказав не создавать ему тепличных условий, поменьше баловать и сюсюкать с ним, почаще водить в лес, чтобы он дви-

гался, а не нагуливал жирок. Затем я притащил с балкона свою старую байдарку, рюкзак и палатку – надо было проверить походное снаряжение. Дым сразу напрягся, потом залился праздничным лаем, спешно ринулся в коридор и вернулся со своим ошейником в зубах. Он решил, что мы отправляемся в путешествие буквально через минуту. Я объяснил ему, что нам предстоит нешуточная поездка и к ней надо подготовиться более основательно, чем прежде, что на это уйдет не один день.

В наших сборах самое активное участие принял мой приятель третьеклассник Вовка. В те дни у него на душе было радостно – каникулы в самом разгаре. Вовка даже не думал о школьном задании на лето. Ему что? Лето длинное, впереди времени полно, успеется!

Вовка играл с Абрикосом во дворе, когда мы с Дымом отправились закупать для поездки консервы. Вовка и, естественно, Абрикос (единственный из дворовых собак личный друг Дыма и его заместитель в собачьей команде) увязались с нами. По пути Вовка стал выяснять, зачем нам консервы, и я сообщил ему о предстоящем путешествии. Вовка пришел в страшное волнение.

– Дядь Лень, возьми меня с собой. И Абрикоса тоже.

Надо сказать Вовка отважный мальчишка. Он не пасует перед трудностями и опасностями, не упускает случая доказать, что умеет бороться с этими самыми трудностями и опасностями. Например, когда во дворе случился пожар –

загорелся мусорный контейнер – все ребята растерялись, а Вовка, не раздумывая, сбегал домой, притащил бидон с водой и потушил пламя. После этого все взрослые в один голос заявили, что из Вовки выйдет хороший пожарный, а его соседка мечтательница сказала:

– Бесподобный мальчик! Самый смелый на свете.

Но все-таки ясно, брать Вовку в путешествие – большая ответственность, на это я решиться не мог.

– Понимаешь, Вовка, какая штука, – начал я. – Во-первых, у меня одноместная байдарка. Куда я тебя посажу? Нам с Дымом только-только поместиться, да еще рюкзак и палатка. Во-вторых, мы с Дымом поплывем по совершенно незнакомой реке. Что нас ждет, не знаю. Это будет наше пробное путешествие, как бы разведка местности. Может, там и не река вовсе, а так, ручеек. Или бассейн-лягушатник. Никаких приключений. Вот на будущее я запланировал опасное путешествие. И тебя обязательно возьму. Пока готовься, закаляйся.

Вовка приходил ко мне с утра. Помогал подклеивать байдарку, ремонтировать каркас палатки, а когда я начал шить Дыму жилетку, измерял моего друга рулеткой.

Жилетку я шил с карманами, в которых собирался поместить ремонтный набор для байдарки, мазь от комаров, аптечку, пару-тройку банок консервов и мелочевку – крюк для котелка, бечевки. Нагрузить своего четвероногого друга я решил, потому что нам предстояло трудное путешествие и

соответственно следовало взять больше вещей.

Дым, в предвкушении поездки, бегал то в кухню, то в коридор и постоянно что-то притаскивал: свою миску, мои тапочки, зонт, щетку и крем для обуви. Он намеревался забрать и свои игрушки – совал мне в руки совок, молоток и, разумеется, легковушку, которую я купил ему в «Детском мире». Мне приходилось объяснять Дыму, что мы возьмем лишь самое необходимое. Из всего, что он приволок, я одобрил только ошейник и миску. На ошейнике, на всякий случай, прикрепил бирку с его кличкой и нашим адресом.

Во время этих приготовлений, я рассказывал Вовке о своем послевоенном детстве, пионерских лагерях, соревнованиях, песнях у костра. Вовка слушал со жгучим интересом, но ему казалось, что все это было когда-то давным-давно – ну, если не в эпоху динозавров, то при царях точно, ведь в теперешних школах ничего про пионеров не говорят, и теперь нет пионерских лагерей. Между тем, еще совсем недавно, чуть больше десяти лет назад, были не только лагеря, но и Дворцы пионеров, где каждый мог строить планеры и макеты кораблей, заниматься в фото- и изостудиях, танцевальном, акробатическом, шахматном кружках – и все бесплатно, только ходи! А сейчас в Дворцах пионеров всякие фирмы. Вот и слоняются ребята во дворах без дела, а то и ломают все, что попадает под руки – энергии-то полно, а девать ее некуда. Если бы я был членом правительства, я непременно вернул бы Дворцы детям.

Накануне отъезда я купил Дыму второй ошейник от клещей и блох. Затем, с помощью Вовки, упаковал в рюкзак палатку (она маленькая и легкая), спальный мешок, котелок, наши с Дымом миски, топорик, провизию, соль и спички. А в карманы своей куртки-ветровки положил перочинный нож, деньги на проезд и непредвиденный случай, и наши с Дымом паспорта.

У Дыма, как у каждой домашней собаки, есть свой паспорт, где указана кличка, дата рождения, порода (у Дыма написано «метис»). Там же проставлены номер жетона ветеринарной станции и отметки о прививках. И, конечно, записан владелец собаки и его адрес. Дым безмерно гордится своим документом и никому, кроме меня, не разрешает его трогать. Паспорт Челкаша – пожалуйста, а его – ни в коем случае.

Подготовив свою одежду, я сложил всю нашу поклажу в коридоре и стал примерять Дыму жилетку. Она ему сразу понравилась, он растянул пасть до ушей, прошелся по комнате, покружил на одном месте, позируя нам с Вовкой. Его не смущала ни тесноватость одежды, ни тяжесть в ее карманах.

– В жилетке Дым всех напугает, – сказал Вовка. – И его никто не куснет.

– Точно. Теперь у него бронежилет и ему не страшны никакие комары, прутья и колючки.

В знак согласия Дым гавкнул и подбежал к зеркалу, чтобы убедиться в своей неотразимости.

Перед тем, как попрощаться и уйти, Вовка дал мне

несколько ценных советов: если от костра загорится палатка, набрать в котелок воды и потушить ее; если байдарка начнет протекать, заткнуть дырку тряпкой и быстро грести к берегу. И особо ценный совет: если Дым найдет большой клад и я не смогу его унести, обязательно запомнить место, где он зарыт.

– ...А потом вдвоем приедем и унесем, – заключил Вовка.

– Договорились! Это тебе обещаю! – я пожал руку своему помощнику и искренне пожалел, что ему только девять лет, и что у меня всего лишь одноместная байдарка.

Глава восьмая. Добрейшая душа

У меня есть друг Валерий Иванович Шашин, страстный автомобилист, владелец старой иномарки. Вообще-то Валерий Иванович пишет пьесы, но большую часть времени возит на своей машине друзей по их делам. Причем возит бескорыстно, в любое время дня и ночи – такая у него добрейшая душа. И что поразительно – мне, как и многим, все дается с трудом, а ему почти что достается даром. Развезет друзей, сядет за стол – бах! – полпьесы готово. И все на отличном уровне. Такие у него приступы вдохновения.

Я позвонил Валерию Ивановичу, чтобы он подвез нас с Дымом и наш багаж к вокзалу на ночной поезд.

– Нет вопросов! – сказал обладатель добрейшей души. – Подъеду, когда скажешь.

Он приехал ровно в девять вечера, как мы условились. Его машину с балкона увидел Дым и в радостном возбуждении бросился к двери. Когда Валерий Иванович вошел, Дым, желая похвастаться жилеткой, стал вышагивать перед водителем-драматургом взад-вперед Валерий Иванович оценил одежду Дыма, а вот мои брюки и ветровку раскритиковал:

– Дым вылитый спецназовец, а его хозяин похож на бродягу.

Я не обиделся. Валерий Иванович сугубо городской житель и крайне редко бывает на природе, а в походы и вовсе

никогда не ходил. Ему не понять, что глупо отправляться в поход в новеньком, отутюженном костюме.

Пока я выносил вещи, а Валерий Иванович запихивал их в багажник машины, Дым бегал от дома к машине, путался под ногами, то и дело впрыгивал на заднее сиденье – короче, не столько помогал нам, сколько мешал.

Наконец, мы погрузились и выехали со двора. Облегченно вздохнув, я изрек:

– Путешествие начинается, как только выходишь из дома.

– Я предпочитаю путешествовать, не выходя из дома, – откликнулся автор пьес. – Попросту читаю книги о путешествиях. Я люблю комфорт, а в этих твоих походах ешь не поймешь что и спишь кое-как, весь прокоптишься у костра.

– Зато доказываешь себе, что можешь выжить в сложных условиях, что можешь победить, – я вскинул голову и расправил плечи, недвусмысленно показывая Валерию Ивановичу, что еще способен бороться не только за выживание, но и за многое другое.

Дым молодец, внятно подтвердил мои слова – наклонился к нашему шоферу и гавкнул, и почти в точности повторил мою позу – откинулся, выпятил грудь. Он-то был абсолютно уверен в нашем могуществе, в том, что мы выйдем победителями из любых, самых трудных, ситуаций.

Но Валерий Иванович продолжал гнуть свое:

– Ладно, Дым. Он молодой, пышущий здоровьем, но ты-то уже старый, уже дедуля. Что за пламенная страсть к бро-

дьяжничеству?! Побереги себя. Не дай бог, прищучит сердце или еще что – пропадешь!.. Тоже мне, турист пенсионер! Лучше б с Челкашом на даче качался в гамаке. А Дыму сооруди полосу препятствий, пусть гоняет.

Мой друг разбушевался не на шутку – похоже, его добрейшая душа на мгновенье куда-то улетучилась.

Я защищался изо всех сил – говорил, что активный отдых самый полезный, что в походе чувствую себя в сто раз лучше, чем на даче, что, наконец, я еще молод душой и что моя душа, быть может, не такая необыкновенная, как у автора пьес, но и далеко не черствая, и я не позволяю себе с таким напором чихвостить закадычных друзей.

Валерий Иванович не впервые подвозил нас с Дымом к вокзалу, и каждый раз по пути между нами возникал этот горячий спор. Тем не менее мой друг не поморщившись, без всяких оговорок, приезжает по первому моему звонку.

Глава девятая.

Небольшая неприятность

Мы проехали всего две улицы, когда на перекрестке нас остановили инспекторы ДПС (дорожно-постовой службы). Я прекрасно знаю их, поскольку часто проезжаю мимо поста на велосипеде и непременно, в шутиливой форме, отдаю им честь, а лейтенант и сержант (они именно в таком звании) в ответ, без всякой шутиливости, мне кивают. Лейтенант худой, с резкими движениями; глаз у него наметанный, при встрече с ним бесполезно юлить и изворачиваться. Лейтенант носит закрученные вверх усы. Сержант – толстяк с понимающей усмешкой. С водителями сержант говорит тихо и вежливо, но если что не так – берегись! Сержант тоже носит усы, но они у него висят вниз, как шнурки.

На посту несет службу овчарка Стелла. Во время работы Стелла исполнительна и серьезна, но, по слухам, в свободное время не упускает случая пошутить. Заметит, лейтенант с сержантом уселись за шашки, подбежит к двери и рявкнет на невидимых нарушителей трассы. Этими ложными тревогами Стелла держит начальство в постоянной боевой готовности.

Несколько лет назад (до появления Дыма) мы с Челкашем во время прогулки подошли к посту. Лейтенанта с сержантом видно не было – вероятно, ушли обедать; пост охраня-

ла одна Стелла, тогда еще совсем молодая, стройная. Челкаш решил познакомиться с красавицей и направился к ней виляющей походкой, изобразив на морде немислимую радость. Только напрасно он старался – строгая барышня даже не взглянула на моего друга, а когда он подошел к ней вплотную, оскалилась и приняла такой устрашающий вид, что из красавицы сразу превратилась в уродину.

Так вот, представители власти остановили нас и лейтенант сказал Валерию Ивановичу:

– Ваша старая машина выглядит слишком старой. Надо ее красить, менять и это и то.

Валерий Иванович начал было что-то объяснять, но лейтенант его перебил:

– Лучше не оправдывайтесь, а то рассержусь.

Я вышел из машины и, как всегда, даже с большим почтением, отдал инспекторам честь. Лейтенант в ответ кивнул.

– К вам, велосипедисту, у нас претензий нет. Но ваш товарищ, водитель, заслуживает штрафа.

Я стал говорить, что опаздываю на поезд, что Валерий Иванович непременно устранит все недостатки своей машины, упомянул про его добрейшую душу...

– Вряд ли у него добрая душа, он бездушно относится к технике, – сказал лейтенант. – Так и быть, на этот раз прощаю. Но в следующий раз... Не злоупотребляйте моим терпением.

– И моим тоже, – тихо и вежливо добавил сержант, а Стел-

ла изобразила брезгливую мину и отвернулась от иномарки.

Глава десятая. Наши попутчики или клуб любителей животных

После этой небольшой неприятности мы подкатили к Рижскому вокзалу за несколько минут до отхода поезда, но все же я успел взять плацкартные билеты (взрослый себе и детский Дыму – такой положен собаке до тридцати килограммов, а если она весит больше, извольте брать взрослый). Втроем мы заспешили на перрон. Валерий Иванович нес байдарку, я – рюкзак и за поводок вел Дыма.

Электрички поражали Дыма всякий раз, когда мы ездили по Подмоскovie; он подолгу на них глазел, сглатывая слюну. Но теперь нам предстоял вояж на поезде дальнего следования и увидев необычный состав – с проводниками и указателями направления на вагонах «Москва-Рига» – Дым решил рассмотреть его получше и притормозил. Пришлось его одернуть за поводок.

– Дым, поторапливайся! Опаздываем!

Мы подбежали к нашему вагону и я протянул проводнице билеты.

– Это на него детский билет? – проводница указала на Дыма.

– На него! – еле переводя дух, одновременно выдавили мы с Валерием Ивановичем.

– Он не кусается?

– Да нет, что вы! – опять в один голос пропыхтели мы с Валерием Ивановичем.

– Кто его знает, что ему взбредет в голову, – вздохнула проводница. – От самой себя-то порой не знаешь, чего ожидать.

Это ее добавление немного насторожило меня, я подумал, а не придет ли ей ночью в голову мысль – высадить нас на полпути? Но проводница вдруг улыбнулась:

– У вас так не бывает?

– Бывает! – опередил меня Валерий Иванович. – И очень часто. Особенно у него, – он кивнул на меня.

– Ну вот, видите, – довольная, что и мы со странностями, проводница вернула мне билеты. – Проходите, но собаке все же наденьте намордник.

Я не первый раз сталкивался с подобным требованием и, чтобы избежать лишних разговоров, достал из рюкзака намордник и надел своему дружку.

Дым не терпит всякого ограничения своей свободы, а намордник вообще воспринимает, как оскорбление. Но я уговорил его немного потерпеть, зная по опыту, что когда в вагоне сутолока спадет, все успокоятся и привыкнут к необычному пассажиру, намордник можно будет снять. Так произошло и на этот раз.

Нашей попутчицей оказалась пожилая женщина с двумя малолетними внуками, для которых наше появление стало прямо-таки подарком. Вернее, не мое появление, а Дыма.

Они никак не ожидали увидеть в вагоне собаку. И не просто собаку, а собаку-путешественника! Жилетка с оттопыренными карманами, два ошейника, один из которых с чем-то круглым, похожим на медаль – все это произвело на ребят сильнейшее впечатление, они просто-напросто замерли в тихом восторге. Дым показался им настоящим пришельцем с другой планеты.

Как только поезд тронулся, женщина обратилась ко мне:

– Снимите с собаки намордник. Зачем ее мучить, ей же трудно дышать, а здесь так душно.

Дым благодарно посмотрел на попутчицу, а меня тронул лапой – Снимай быстрее!

– У нас у самих в доме собака. Мои внуки любят животных, – женщина погладила ребят.

А внуки все тарасились на Дыма, но уже перешептывались, обсуждали его экипировку. От их чрезмерного внимания, Дым вначале немного стушевался, но быстро пришел в себя – задрал нос и, протопав мимо ребят, уселся под столом, всем своим видом показывая, что поезда ему не в новинку, что в вагоне он, как дома, а вот всякие любопытные уже порядком надоели.

– У нас, кроме собаки, есть еще кошка, – сказала женщина.

– Ее Машка зовут, – подал голос один из внуков.

– А собаку зовут Грант, – оживился второй.

– Да, Грант, – женщина кивнула. – Мы его подобрали. У

него задние ноги подкашивались. Наверно, поэтому хозяйева и выбросили.

– Он большой... Машка его сразу испугалась... Забралась на шкаф, – наперебой заговорили ребята.

– Она еще была котенком, – пояснила женщина. – И на другой день пропала. Ищем ее, ищем... А Грант спал в углу. Потом поднял голову... Она у него огромная, с ведро, – женщина усмехнулась. – Смотрим, а между его лап спит наша Машка.

– А как зовут вашу собаку? Что у него в карманах? Зачем еще один ошейник? – ребята окончательно развеселились и засыпали меня вопросами.

– Извините, но когда речь заходит о животных, я не могу удержаться, – из-за перегородки в нашу сторону повернулся мужчина с кипой газет под мышкой. – У меня дома собака и попугай... У собаки два года назад были щенки. И вот, значит, у дочери пропала кукла. Где только мы не искали. И что вы думаете? Оказалось, собака притащила куклу щенкам поиграть. В общем, нашли куклу в закутке с погрызенной рукой, – мужчина уже перебрался к нам и присел рядом со мной, еще раз извинившись. – А попугай утром говорит: «Доброе утро! Гоша хороший!». И всем подражает. Чирикает, как воробей, пищит, как трясогузка... те даже слетаются к его клетке. Она на окне стоит... И вот, значит, прошлой осенью Гоша улетел. Сам открыл клетку... Я искал его с неделю. А уже по ночам было холодно, я думал – замерзнет

ведь. И что вы думаете? Раз сосед говорит: «У автобусной остановки попугай среди воробьев. С ними что-то клюет на земле». Я быстренько туда. И точно, Гоша! Принес его домой, а он залез в клетку и говорит: «Бабка, дай деньги! Куплю джинсы!».

Внуки попутчицы так засмеялись, что чуть не свалились с полки.

– Наверно, мальчишки научили этим глупостям, – определил мужчина. – Наверно, поймали Гошу, а потом он от них улетел.

Вслед за мужчиной с газетами к нам заглянули чрезвычайно веселые парень с девушкой. Они рассказали о питомцах своих друзей: вначале что-то о хомяке, потом о кошке и собаке, и закончили коровой, которую держат их родственники в деревне.

– А мы хотим завести ламу, – объявили молодые люди. – Хочется чего-то особенного, нестандартного...

Наша узкая компания все больше превращалась в клуб любителей животных и Дыму это явно не нравилось. Он зевал и смотрел на меня страдальческим взглядом, и только и ждал, когда все эти говоруны разойдутся. Я тоже этого ждал, ведь за последние дни мы оба изрядно устали. К счастью, скоро в вагоне погасили свет и любители животных удалились. Я снял с Дыма жилетку, мы легли на нижнюю полку и уснули в обнимку.

Глава одиннадцатая.

Горластый пес, шофер пикапа, Федька, доярка и другие

Мы проснулись от яркого солнца. Поезд стоял на какой-то маленькой станции.

– Забелье! – громко объявила проводница, проходя по вагону; заметив нас с Дымом, понизила голос. – Следующая ваша Пустошка!

Наша попутчица и ее внуки, после бурных вечерних разговоров, спали без задних ног. Я надел Дыму жилетку и вывел в тамбур; затем притащил туда байдарку и рюкзак. Через некоторое время поезд прибыл в Пустошку, небольшой районный центр.

– И чего вам дома не сидится, – покачала головой проводница, помогая мне вытаскивать наш багаж. – Чего ищите трудностей на свою голову. У некоторых туристов байдарки хоть на колесиках, а у вас, похоже, слабоватая подготовка.

Я не стал переубеждать проводницу, но Дыма эти слова возмутили: он чихнул и внятно обронил на собачьем языке – Кто-кто, а мы-то мастера своего дела.

– Ну да, попутного вам ветра! – подобрела проводница и, перед тем, как закрыть дверь вагона, добавила: – А ваша собака вела себя прилично, никому не досаждала.

Было раннее утро, но уже чувствовалось – день будет жаркий. На пристанционном пятаке, в ожидании автобуса, стояли несколько пассажиров с вещами, тут же бродили куры и облезлый пес лениво чесал загривок. Увидев Дыма, пес на мгновение опешил, пораженный нарядом моего друга, но тут же бросился нас облаивать, корча из себя сурового хозяина территории. Дым пренебрежительно фыркнул, показушно задрал заднюю лапу и побрызгал на телеграфный столб – сделал метку «я здесь был». Пес расценил это, как нахальство, и залился еще громче; на его морде так и читалось – Ходят тут всякие, бахвалятся модными шмотками, терпеть не могу этих горожан!

Забегая вперед, скажу – этот пес топал вокруг нас и голосил все время, пока мы находились на пятаке. Надо отдать должное Дыму, он понимал, что является гостем в этой местности и не огрызался, то есть продемонстрировал исключительную выдержку, как и подобает, уверенной в себе личности.

До деревни Копылок, с которой начинался байдарочный маршрут, было всего семь километров, но автобус шел только через два часа. Я решил поймать попутную машину и непроизвольно пробормотал:

– Хорошо бы грузовичок, типа «Газели».

Дым вытянул шею и, принюхиваясь, стал озираться, и внезапно на чем-то задержал взгляд. Я посмотрел в ту сторону – там находился продмаг. Но острый нюх моего друга уло-

вил не запахи продуктов, хотя и их, наверняка, уловил, но в основном – запах пикапа, допотопной машинешки, стоящей около магазина. Из кузова пикапа парень вытаскивал какие-то коробки. Наказав Дыму сторожить вещи, я подошел к парню, поздоровался и, узнав, что он шофер пикапа, спросил – не подбросит ли он нас в Копылок?

– Можно. Отчего не помочь хорошему человеку, – протянул парень, зевая и почесываясь. – Ты, папаша, один или с кем?

Я показал на Дыма.

– О, и охрана! – парень присвистнул. – Ну, жди там. Торты отнесу и покатаю. Закрою вас в кузове. В кабине не имею права. Инспектор на дороге попадетсЯ, отберет права. У нас с этим строго.

Когда парень подъехал, я запихнул в тесный кузов нашу поклажу, сам с Дымом примостился поближе к кабине, чтобы меньше трясло. Парень закрыл нас, и мы очутились в полной темноте.

Дым-то любит все железное, он спокойно лежал на байдарке и, по-моему, всю дорогу с удовольствием слушал урчание мотора. А я чувствовал себя прямо-таки замурованным в железном ящике. Меня то и дело подбрасывало, и я или ударялся головой о крышу, или сваливался на торчащие ребра борта. Единственно, что скрашивало нашу поездку, это сладкий запах, оставшийся от тортов.

К сожалению, позднее оказалось, остался не только запах,

но и кое-что посущественней. Когда пикап остановился в Копылке и мы вылезли из кузова, и я, и Дым были перепачканы кремами, шоколадом, сахарной пудрой. Стало ясно, парень не очень церемонился с тортами, вытаскивал их из кузова, как дрова, и, естественно, некоторые раздавил. Тем не менее, я щедро расплатился с ним и горячо поблагодарил.

В деревне стояла тишина, только петухи распевали свои незатейливые песни – соревновались друг с другом, кто громче.

А Дым, жмурясь от солнца, уже всю носился по травам, носился одержимо, несмотря на увесистый груз в жилетке. Наконец-то, после тесноты, духоты и тряски в поезде и машине, он почувствовал твердую почву под лапами и свободу в движениях, и в придачу денек – лучше нельзя придумать. На его мордахе сияла радость, он был счастлив по уши.

– Дым, заканчивай разминку! – бросил я. – Надо заняться делом!

Некоторое время мы приводили себя в порядок: я счищал сладости с куртки и брюк, Дым слизывал их с жилетки. Закончив эту процедуру, я заметил подростка, который во все глаза пялился на нас сквозь ограду крайнего дома. Наверняка, Дым заметил его еще раньше, но не дал мне знать, никак не обозначил присутствие зрителя – так был увлечен очередной кремовой завитушкой.

– Тебя как зовут? – обратился я к мальчишке.

– Федька.

– Слушай, Федька, ты ведь все здесь знаешь. Как пройти к реке Великой? И где там ровная лужайка, чтобы байдарку собрать?

– Так Великая еще с километр отсюда, – Федька махнул рукой в конец деревни.

– Как так? На карте она протекает прямо в деревне.

– Хм, на карте! – Федька усмехнулся. – Нарисовать-то все можно. По карте в нашей деревне есть клуб, а его давно уж нет. Его купили одни городские богачи. И отстроили под дачу... А чтой-то за одежда у вашей собаки?

– Это жилетка. В ней мой друг несет ценные вещи, необходимые для похода. Он отважный путешественник. Самый отважный из всех отважных... Так где ты говоришь дорога к реке?

– За деревней. Там одна дорога.

Я вскинул рюкзак, сверху взвалил байдарку, попрощался с Федькой и мы затопали по пыльной дороге. Я тащил килограммов пятьдесят, Дым тоже нелегкую ношу – килограммов восемь, не меньше. А солнце уже палило нещадно; раскаленный воздух обжигал горло, как кипяток.

В середине деревни из одного двора выбежала приземистая, криволапая собачонка и стала на нас лаять. Вскоре к ней присоединилось еще несколько собак покрупнее и, наконец, выскочил самый здоровенный – явно главарь деревенской стаи. Этот увалень лаял хриплым басом, и все примеривался, чтобы напасть на Дыма. Похоже, мой друг был

для него не просто чужаком, но и ненавистным городским баловнем, который только и знает, что валяться на тахте и лопать колбасу. Где ему было знать, что Дым путешественник, прошедший огни, воды и медные трубы. Короче, когда собаки подбежали к нам слишком близко, Дым круто обернулся и показал зубы. И здоровяк, а за ним и вся стая, сразу поджали хвосты.

Мы уже прошли всю деревню, как вдруг услышали:

– Эй, байдарочник!

За нами шла молодая женщина в синем переднике и синем платке.

– Зачем надрывать, носить такие тяжести? Подождите, сейчас лошадь подведу.

Я не успел и рта раскрыть, как женщина скрылась в последнем дворе и через несколько минут вывела лошадь, запряженную в телегу. Рядом с лошадью бежал жеребенок.

– Складывайте вещи! – женщина остановила лошадь. – Мне все равно к реке надо за сеном.

Пробормотав «спасибо», я положил на телегу байдарку с рюкзаком, туда же отправил доспехи Дыма – он уже высунул язык (я-то шел в рубашке, а он в родной шубе, да еще в жилетке). На лошадь с жеребенком он никак не прореагировал – по нашей улице изредка на лошадях проезжают девушки наездницы. И телега не произвела на Дыма особого впечатления. Что ему телега – он видел экскаватор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.